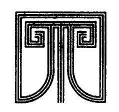

ИГОРЬ
СЕВЕРЯНИН
СОЛОВЕЙ
Н:З
1923

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

СОЛОВЕЙ

ПОЭЗЫ

Репринтное издание

В/О "СОЮЗТЕАТР" СТД СССР
Главная редакция театральной литературы
"ТОМО"
МОСКВА 1990

Часть прибыли перечислена в Детский Фонд им. В. И. Ленина

Репринтное издание

Игорь Северянин (1887 – 1941) – популярнейший во 2-м десятилетии XX века поэт. Книга сенсационного успеха "Громокипящий кубок" (1913), многократные тиражи сборников "Златолира" (1914), "Ананасы в шампанском" (1915), образ кумира публики и эпатаж "северянинщины" – реалии прошлого, определившие отношение к поэту.

Творчество Северянина позднего, эстонского периода малоизвестно. Книги, выходившие за рубежом: "Менестрель" (Берлин: Москва, 1921); "Миррэлия" (Берлин: Москва, 1922); "Фея Eiole" (Берлин: О. Кирхнер и К°, 1922); "Медальоны" (Белград, 1934) и др. – не имели отечественных переизданий.

Предлагаемая книга поэз "Соловей" воспроизводит берлинское издание 1923 года, ставшее библиографической редкостью. Надеемся, что это позволит сократить дистанцию между реальным творчеством поэта и нашими представлениями о нем.

ББК 4702010100 **УДК 882-1 Северянин**
84Р1

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

СОЛОВЕЙ

ПОЭЗЫ

ИЗДАНИЕ АКЦ. О-ВА «НАКАНУНЕ»
БЕРЛИН / МОСКВА
1923

Борису Верину —
Принцу Сирени

**Вы — Принц Фиолевой Сирени
И друг порхающей листвы.
Весенней осени, осенней
Весны нюанс познали Вы . . . .**

Эти импровизации в ямбах выполнены в 1918 г., за исключениями, особо отмеченными, в Петербурге и Тойле.

ИНТРОДУКЦИЯ

Я — соловей: я без тенденций
И без особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы, —
Поймут меня, певца весны.

Я — соловей, я — сероптичка,
Но песня радужна моя.
Есть у меня одна привычка:
Влечь всех в нездешние края.

Я — соловей! на что мне критик
Со всей небожностью своей? —
Ищи, свинья, услад в корыте,
А не в рулладах из ветвей!

Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

Toila. III.

ЭСТ-ТОЙЛА

За двести верст от Петрограда,
От станции в семи верстах,
Тебе душа поэта рада,
Селенье в ёловых лесах!

Там блекнут северные зори,
Чьи тоны близки к жемчугам,
И ласково подходит море
К головокружным берегам.

Как обольстительное пойло, —
Колдуйный нѐктар морефей, —
Влечет к себе меня Эст-Тойла
Волнами моря и ветвей.

Привет вам, шпроты и лососи,
И ракушки, и голоса,
Звучащие мне на откосе, —
Вы, милые мои леса!

Давно я местность эту знаю,
Ее я вижу часто в снах...
О, сердце! к солнцу! к морю! к маю!
К Эст-Тойле в ёловых лесах!

Toila. I, 7.

ОПЯТЬ ВДАЛИ

И вот опять вдали Эст-Тойла
С лазурью волн, с ажурью пен.
Конь до весны поставлен в стойло, —
Я снова взят столицей в плен.

Я негодую, протестую,
Но внѐмля хлебному куску,
Я оставляю жизнь простую,
Вхожу в столичную тоску.

О, как мучительно, как тонко
Моя душа оскорблена!..
... Проходит тихая эстонка,
В чьих косах — рожь, лён и луна.

Идет, — Альвина или Лёйла, —
Береговою крутизной.
Идет века. Прости, Эст-Тойла,
И жди меня во влажный зной!

Петроград. I,9.

АХ, ЕСТЬ ЛИ КРАЙ

Ах, есть ли край? ах, края нет ли,
Где мудро движется соха,
Где любит бурю в море бретлинг,
И льнет к орешнику ольха?

Где в каждом доме пианино
И Лист, и Брамс, и Григ, и Бах?
Где хлебом вскормлена малина,
И привкус волн морских в грибах?

Где каждый труженик-крестьянин
Выписывает свой журнал
И, зная ширь морских скитаний,
Порочной шири ввек не знал?

Где что ни местность — то кургауз,
Спектакли, тэннис и оркестр?
Где, как голубка, девствен парус, —
Как парус, облик бел невест?

Ах, нет ли края? край тот есть-ли?
И если есть, что то за край?
Уж не Эстляндия-ль, где, если
Пожить, поверить можно в рай?..

Петроград. I.

НА ЛЫЖАХ

К востоку, вправо, к Удреасу,
И влево — в Мартс и в Изенгоф,
Одетый в солнце, как в кирасу,
Люблю на лыжах скользь шагов.

Колёса палок, упираясь
В голубо-блёсткий мартный наст,
Дают разгон и — черный аист —
Скольжу, в движеньях лыжных част.

О, лыжный спорт! я воспою-ли
Твою всю удаль, страсть и воль?
Мне в марте знойно, как в июле!
Лист чуется сквозь веток голь!

И бодро двигая боками,
Снег лыжей хлопаю плашмя,
И всё машу, машу руками,
Как будто крыльями двумя!..

Петроград. I.

В РЕВЕЛЬ

Упорно грезится мне Ревель
И старый парк Катеринталь.
Как паж влюбленный королеве
Цветы, несу им строфосталь.

Влекут готические зданья,
Их шпили острые, — иглой, —
Полуистлевшие преданья,
Останки красоты былой.

И лабиринты узких улиц,
И вид на море из домов,
И вкус холодных, скользких устриц,
И мудрость северных умов.

Как паж влюбленный к королеве,
Лечу в удачливый четверг
В зовущий Ревель — за Иеве,
За Изенгоф, за Везенберг!

Петроград. I.

ЛЕЙТЕНАНТ С.

Вы не слыхали про поэта,
Поэта лейтенанта С.?
В нем много теплоты и света
И море милое, и лес.

Он сын Случевского. По крови
И духу сын... В лазори строк —
Он белый голубь. На Нарове
Его именье «Уголок».

Не подходите, как к Синаю
К нему, а просто, как к стеблю...
Пятнадцать лет его я знаю
И ласково его люблю.

Люблю я грусть элегий «С моря»,
Посланий молодой жене,
В которых он, природе вторя,
Так родственен, так близок мне.

Он чистотой доступен детям,
И нежно я его пою.
Поэт погиб на тридцать третьем
В Цусимском горестном бою.

Сосед Эстляндии волшебной,
Воспевший Гогланд, край чудес,
Тебе мой поздний гимн хвалебный,
Мне — книга лейтенанта С...

Петроград. I.

У СОЛОГУБА

Жил Сологуб на даче Мэгар,
Любимый, старый Сологуб,
В ком скрыта магия и нега,
Кто ядовит и нежно-груб ...

Так в Тойле прожил он два лета
На крайней даче, у полей
И кладбища, и было это
Житье мне многого милей.

Из Веймарна к нему приехать
Мне нравилось в рассветный час,
Когда, казалось мне, утеха
Искать в траве росы алмаз.

Я шел со станции, читая
Себе стихи, сквозь холодок.
Душа пылала молодая,
И простудиться я не мог.

Я приходил, когда все спали
Еще на даче, и в саду
Бродил до полдня, и в опале
Тумана нюхал резеду...

Петроград. I.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

А вечерами матиола
Нас опьяняла, как вино,
И строфам с легкостью Эола
Кружиться было суждено.

Ночами мы пикниковали,
Ловили раков при костре,
Крюшон тянули, и едва-ли
В постель ложились на заре...

Второе лето на курорте
И я с ним вместе проводил.
То были дни, когда о торте
И сам кондитер не грустил...

Когда проехаться в вагоне
Еще ребенок рисковал,
Когда Herr Брюкман в пансионе
Вино открыто продавал...

День стоил не бумажек тридцать,
А три серебряных рубля,
Что могут ныне появиться
Лишь разве в замке короля!..

Петроград. I.

ЦАРИЦА РУССКОГО СТИХА

Поэма Лохвицкой «У моря»,
Где обрисован Петергоф,
Мне грёзы красочно узоря,
Волшбит меня ажуром строф.

И Миррой Балтика воспета,
Царицей русского стиха,
Признавшей тьму во имя света
И добродетель для греха!..

Бывала-ли она в Иеве?
Ходила-ль в сосны на обрыв?
И пел-ли ей, как королеве,
О светлом Эрике залив?

Он славил ли ее, как Ингрид,
Как королеву королев?
С тех пор, как склеп для Мирры вырыт,
Он заскорбел ли, поседев?

Не знаю я. Никто не знает.
То тайна Мирры и волны.
Но взор увидеть ожидает
Ее в сиянии луны.

Она мертва? Она воскреснет!
Она не может не ожить!
Она споет такие песни,
Что перестанет мир тужить!

Петроград. I.

ДВА ОСТРОВА

За постом Мартсом, в острых соснах,
Над морем высится обрыв
Для грезящих и безвопросных
В житейской прозе, — тех, кто жив!

Оттуда (там меня не троньте:
Мне ваши дрязги не нужны!)
Два острова на горизонте
В погоду ясную видны.

Пою обрыв, который вогнут
По направленью к ним дугой.
Один из них зовется Гогланд
И Белым — маленький, другой.

Их контуры маняще-чётки,
Влекущи обликом своим.
Лелею мысль: в моторной лодке
Когда-нибудь поехать к ним.

Готовь судно, Василий Крохов,
Ты, обэстоненный рыбак!
А чтобы не было плыть плохо,
Возьмем и водку, и табак!

Петроград. I.

НАРВА

Я грежу Нарвой, милой Нарвой,
Я грежу крепостью ее,
Я грежу Нарвой, — тихой, старой, —
В ней что-то яркое свое.

О, город древний! город шведский!
Трудолюбивый и простой!
Пленён твоей улыбкой детской
И бородой твоей седой.

Твой облик дряхлого эстонца
Душе поэта странно-мил.
И твоего, о Нарва, солнца
Никто на свете не затмил!

Твоя стремглавная Нарова
Галопом скачет в Гунгербург.
Косится на тебя сурово
Завидующий Петербург.

Как не воспеть твою мне честность
И граждан дружную семью,
И славную твою известность,
И... проституцию твою?

Она, как белая голубка,
Легка, бездумна и чиста!
О, добрый взгляд! О, лисья шубка!
О, некрасивых красота!

Петроград. I.

ЮРЬЕВ

Где Эмбах, берег свой понурив,
Течет лифляндскою землей,
Как центр культурный, вырос Юрьев,
Такой радушный и живой.

Он, переназванный из Дерпта,
Немецкий дух не угасил.
В моих стихах найдется лепта
И Юрьеву, по мере сил.

О, ты, столетняя крапива,
Нам расскажи про прежний пир,
Про вкус студенческого пива,
Про лязг студенческих рапир;

Нам расскажи о глазках Гретхен,
Сентиментально-голубой,
И о беседке в парке ветхой,
О кознях, деянных тобой...

О романтической эпохе,
О рыцарстве былых времён,
Как упоенны были вздохи,
И как безоблачен был сон!..

Петроград. I.

ПОЛОВЦЕВА-ЕМЦОВА

Я помню вечер, весь свинцовый,
В лучах закатного огня,
И пальцы грезящей Емцовой,
Учившей Скрябину меня.

Играла долго пианистка,
И за этюдом плыл этюд.
А я склонился низко-низко,
И вне себя, и вне минут.

Так властно душу разубрала
Неиз'яснимая печаль...
А после Вагнера играла,
И пели пальцы, пел рояль.

Да, пело сердце, пели пальцы
Ее, умеющие петь.
И грёзы, вечные скитальцы,
Хотели, мнилось, умереть.

Деревня тихо засыпала.
Всходило солнце из волны.
Мне в душу глубоко запала
Игра в ночь белую весны.

Петроград. I.

ЕВГЕНИЮ ПУНИ

Ты помнишь, мне любезный Пуни,
Как ты приехал раз ко мне,
И долго мы с тобой в июне
В полях бродили при луне?

У моря грезили, и в парке
Читали новые стихи?
Иль говорили о Петрарке,
Ложась в траву под сень ольхи?

Ты помнишь, милый мой Евгений,
Наш взгляд на женщин и семью?
Что должен жить безбрачно гений
И «за печатями семью»?

И только изредка, налётом,
Врываться в жизнь и, как пчела,
Ее впитав, вернуться к «сотам»
С бесстрастьем лика и чела?

Не раз захватывали страсти
Меня с тех пор, и наш проэкт
Отчасти выполнен, отчасти...
Но мысль и дело — разных сект!..

Петроград. I.

К АЛЬВИНЕ

Не удивляйся ничему . . .
К. Фофанов

Соседка, девочка Альвина,
Приносит утром молоко
И удивляется, что вина
Я пью так весело-легко.

Еще бы! — тридцать пять бутылок
Я выпил, много, в десять дней!
Мне позволяет мой затылок
Пить зачастую и сильней...

Послушай, девочка льняная,
Не удивляйся ничему:
Жизнь городская — жизнь больная,
Так что-ж беречь ее? к чему?

Так страшно к пошлости прилипнуть, —
Вот это худшая вина.
А если суждено погибнуть,
Так пусть уж лучше от вина!

Петроград. I.

ПОЧТАЛЬОН

То по шоссе, для шины колком,
То по тропинке через лён,
То утрамбованным просёлком
Велосипедит почтальон.

Он всем знаком. Он старый Перник.
Он служит здесь тридцатый год.
Письмо от Щепкиной-Куперник
Он мне в окно передает.

Я приглашаю на террасу
Его, усталого, зайти,
Чтоб выпить хересу иль квасу
И закусить в его пути.

Он входит очень деликатно
И подвигает стул к столу.
А море благостно-закатно,
Подобно алому стеклу.

Сосредоточенно и ровно
Он пьет токайское вино.
Что пишет мне Татьяна Львовна?
Но, впрочем, кажется темно.

Петроград. I.

ЯЛЯ

В вуальной апельсинной шали
Идет в вечерние поля.
Я выхожу навстречу к Яле,
Как в бурю лодка без руля.

Идёт насмешливо, но робко.
Так угловато, но легко.
Зигзагами ведет нас тропка,
Ах, близко или далеко?

Я не влюблен в нее нисколько,
Как, впрочем, и она в меня.
Мы лишь слегка флёртуем только —
День изо дня. День изо дня.

Читаются стихи крылато:
Я — ей, и мне в ответ — она.
А небо морем все об'ято,
Волной захлёснута луна.

Петроград. I.

СЛАВА

Мильоны женских поцелуев —
Ничто пред почестью богам:
И целовал мне руки Клюев,
И падал Фофанов к ногам!

Мне первым написал Валерий,
Спросив, как нравится мне он;
И Гумилев стоял у двери,
Заманивая в «Аполлон».

Тринадцать книг страниц по триста
Газетных вырезок — мой путь.
Я принимал, смотря лучисто,
Хвалу и брань — людишек муть.

Корректен и высокомерен,
Всегда в Неясную влюблен,
В своем призвании уверен,
Я видел жизнь, как чудный сон.

Я знаю гром рукоплесканий
Десятков русских городов,
И упоение исканий,
И торжество моих стихов!

Петроград. I.

ЕЛИЗАВЕТИНО КИКЕРИНО

Елисаветино! Налево,
От станции в одной версте,
Тоскует дылицкая дева,
По своему, о красоте...

Дыша Оранской Изабеллой,
Вступаю в лиственный покой.
Молчит дворец меж сосен белый
И парк княгини Трубецкой.

За Дылицами — Вераланцы.
За Пятигорьем — Озера́.
Какие девичьи румянцы!
Жасминовые вечера!

Через Холо́повицы прямо
Я прохожу к монастырю
И, на колени встав у храма,
Пою вечернюю зарю.

В моем порыве — глубь бездонья!
Я растворяюсь в тишине
И возвращаюсь чрез Арбонье
При новоявленной луне.

Петроград. I.

ВЕЙМАРН

Под Веймарном течет Азовка, —
Совсем куриный ручеек.
За нею вскоре остановка.
Там встретит кучер-старичок.

Моей душе, душе вселенской,
Знаком язык цветов и звёзд.
Я еду к мызе Оболенской, —
Не больше трёх шоссейных вёрст.

Вдали Большая Пустомержа.
Несется лошадь по росе.
Того и ждешь: вот выбьет стержень:
Ведь, спицы слиты в колесе!

Проехан мост. Немного в горку,
И круто влево. Вот и двор.
Княгиня приоткрыла шторку.
И лай собак, и разговор.

Плывет туман от нижней Тормы,
Вуаля бледную звезду.
Зеленые в деревьях штормы,
И пахнут яблони в саду.

Петроград. I.

АФОРИЗМЫ УАЙЛЬДА

Мы слышим в ветре голос скальда,
Рыдающего вдалеке,
И афоризмы из Уайльда
Читаем, сидя на песке.

Мы, углубляясь в мысль эстета,
Не презираем, а скорбим
О том, что Храм Мечты Поэта
Людьми кощунственно дробим...

Нам море кажется не морем,
А в скорби слитыми людьми...
Мы их спасем и олазорим, —
Возможность этого пойми!

Вотще! В огне своих страданий,
В кипеньи низменной крови,
Они не ищут оправданий
И не нуждаются в любви!

Петроград. I.

АССОЦИАЦИЯ

Мелькнула сине пелеринка
На крэме платья — за углом..
О Синей Птице Мэтерлинка
Вдруг в мыслях выявлен излом.

Ассоциация символик,
Как ты захватна иногда!
По смеху узнаю я полек, —
По солнцу — таяние льда.

Не женщиной ли морефея
Прикинулась, или жена
Какого-либо Тимофея
В костюмы фей наряжена?!

И в первом случае — за птицей,
За Синей Птицей возгореть!
А во втором — за той «синицей»
Не стоит даже и смотреть.

Петроград. I.

БЫЛОЕ

Он длится, терпкий сон былого:
Я вижу каждую деталь,
Незначущее слышу слово,
К сну чуток, как к руке — рояль.

Мила малейшая мне мелочь,
Как ни была б она мала.
Не Дельвигу ли Филомела,
Чуть ощутимая, мила?

Люба не Пушкину ли няня?
И не Мюссэ-ль — перо Жорж Занд?
Не маргаритка ли — поляне?
И не горошку-ль — столб веранд?

Всё незначительное нужно,
Чтобы значительному быть.
Былое так головокружно!
Былого не могу забыть!

Петроград. I.

ЛЕЙТ-МОТИВЫ

Всегда мечтательно настроен,
Я жизнь мечтанью предаю.
Я не делец. Не франт. Не воин.
Я лишь пою — пою — пою!

На что мне царства и порфиры?
На что мне та иль эта роль?
За струнной изгородью лиры —
Наикорольнейший король!

На что мне ваших мыслей холод
И политический раздор?
Весенний день горяч и золот, —
И у меня весенний взор!

Благословенны будьте, травы
И воды в зелени оправ!
Виновных нет: все люди правы,
Но больше всех — простивший прав!

Петроград. I.

КОЛЯСКА

Четырехместная коляска
(Полурыдван — полуковчег...)
Катилась по дороге тряско,
Везя пять взрослых человек.

Две очень молодые дамы
И двое дэнди были в ней.
Был пятым кучер. Этот самый
Стегал ленивых лошадей.

Июльский полдень был так душен,
Кружились злобно овода.
Наряд прелестниц был воздушен.
Сердца же — точно невода.

Их лица заливала краска, —
От страсти или от жары?..
— Вам не встречалась та коляска,
Скажите, будьте так добры?

Петроград. I.

СТЭЛЛА

Баронессе С. Р. М—ф

Сначала баронесса Стэлла
Прочла «Вы лжете мне, мечты!»
Потом из Грига мне пропела
Во имя только Красоты!

О, воплощенная Вервэна!
Античной пластики полна,
Прияла позы под Шопэна
Так отчеканенно она.

Апологетка поз Далькроза,
В окаменелости живой,
То пламенела грозороза,
То поникала головой...

... А я, в Калифа превращенный,
В халате пёстром и чалме,
Сидел и, ею опаленный,
Крылил к ней руки в полутьме...

К Калифу руки простирая,
Заглядывала мне в глаза, —
И вновь кружилась, ускользая,
Вся — страсть! вся — трепет! вся — гроза!

А то, ко мне склоняясь близко
И наслаждения суля,
Утонченная одалиска
Отпрядывала, опаля...

В глазах — узор чаруйной боли,
В груди — брожение огней...
А если б вышел я из роли
И женщину увидел в ней?!.

Петроград. I.

ФЕВРАЛЬ

Февраль к Апрелю льнет фривольно,
Как фаворитка к королю.
Апрель, смеясь самодовольно,
Щекочет нервы Февралю.

Ночами снежно-голубыми
Мечтает палевый Февраль,
Твердя Весны святое имя,
О соловье, влекущем вдаль...

Дымящиеся малахиты
(Не море-ль в теплом Феврале?)
Сокрыв прибрежные ракиты,
Ползут и тают в блеклой мгле.

Снег оседает. Оседая,
Он бриллиантово блестит.
И на него сосна седая
Самоуверенно глядит.

Осядет снег, — седые кудри
Смахнет бессмертная сосна.
Я слышу дрожь в февральском утре:
О, это вздрогнула весна!

Toila. 5. II.

ВЫСШАЯ МУДРОСТЬ

Петру Ларионову

Я испытал все испытанья.
Я все познания познал.
Я изжелал свои желанья.
Я молодость отмолодал.

Давно все найдены, и снова
Потеряны мои пути...
Одна отныне есть основа:
Простить и умолять: «прости».

Жизнь и отрадна, и страданна
И всю ее принять сумей.
Мечта свята. Мысль окаянна.
Без мысли жизнь всегда живей.

Не разрешай проблем вселенной,
Не зная существа проблем.
Впивай душою вдохновенной
Святую музыку поэм.

Внемли страстям! природе! винам!
Устраивай бездумный пир!
И славь на языке орлином
Тебе — на время данный! — мир!

Toila. II.

ЯМБУРГ

Всегда-то грязный и циничный,
Солдатский, пьяный, площадной,
С культурным краем пограничный,
Ты мрёшь над лужскою волной.

И не грустя о шолке луга,
Услады плуга не познав,
Ты, для кого зеркалит Луга,
Глядишься в мутный блеск канав.

Десяток стоп живого ямба,
Ругательных и злых хотя-б,
Великодушно брошу, Ямбург,
Тебе, растяпа из растяп!

Тебя, кто завтра по этапу
Меня в Эстляндию пошлёт,
Бью по плечу, трясу за лапу...
Ползучий! ты мне дал полёт!

Ямбург. 9. III.

ПО ЭТАПУ

Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под арестом пробыв.
Неслась Нарова с диким воем,
Бег ото льда освободив.

В вагоне заперты товарном, —
Чрез Везенберг и через Тапс, —
В каком-то забытьи кошмарном,
Все время слушали про «шнапс».

Мы коченели. Мёрзли ноги.
Нас было дó ста человек.
Что за ужасные дороги
В не менее ужасный век!

Прощайте, русские уловки:
В'езжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.

Ревель. 14. III.

В ХВОЙНОЙ ОБИТЕЛИ

И снова в хвойную обитель
Я возвращаюсь из Москвы,
Где вы меня не оскорбите
И не измучаете вы.

Вы, кто завистлив и бездарен,
Кто подло-льстив и мелко-зол
Да, гений мудр и светозарен,
Среди бескрылых — он орёл.

Как сердцу нестерпимо — грустно
Сознаться в ёловой тени,
Что мало любящих искусство,
Но тем ценней зато они.

Среди бездушных и убогих,
Непосвященных в Красоту,
Отрадно встретить их, немногих,
Кого признательно я чту.

Вы, изнурённые в тяжелых
Условьях жизни городской,
Ко мне придите: край мой ёлов,
В нём — Красота, а в ней — покой.

Toila. 23. III.

РЕСКРИПТ КОРОЛЯ

Отныне плащ мой фиолетов,
Берэта бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи, —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам.
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам.

Я так велик и так уверен
В себе, — настолько убежден, —
Что всех прощу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.

В душе — порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран королем поэтов, —
Да будет подданным светло!

ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА

Моя двусмысленная слава
Двусмысленна не потому,
Что я превознесён неправо, —
Не по таланту своему, —

А потому, что явный вызов
Условностям — в моих стихах
И ряд изысканных сюрпризов
В капризничающих словах.

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь, кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешеньи-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали «pastilles»!

Неразрешимые дилеммы
Я разрешал, презрев молву.
Мои двусмысленные темы —
Двусмысленны по существу.

Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон, —
Ведь, я лирический ироник:
Ирония — вот мой канон.

ЛЮБИТЕЛИ «ГЕЛИОТРОПА»

«Приказчик или парикмахер,
Еще вернее: maître d'hôtel» —
Так в критиническом размахе
Рычала критика досель.

За что? — за тонкое гурманство?
За страсть к утонченным духам?
За строф нарядное убранство?
Из зависти к моим стихам?

Но кто-ж они, все эти судьи —
Холопы или мудрецы?
Искусством бились ли их груди?
Впускали-ль их в себя дворцы?

И знают ли они, что значит
Лиловый creme de violettes?
Постигнут ли, как обозначит
Свои рефрэны триолет?

Поймут ли, что гелиотропа
Острей «Crigoria» Риго,
Что, кроме Тулы, есть Европа
И, кроме «русской», есть Танго?...

ВСЕПРИЕМЛЕМОСТЬ

Одно — сказать: «все люди правы».
Иное — оправдать разбой.
Одно — искать позорной славы.
Иное — славы голубой.

Холопом называть профана
Не значит: брата — «мужиком».
Я, слившийся с природой рано,
С таким наречьем незнаком...

Любя культурные изыски
Не меньше истых горожан,
Люблю все шорохи, все писки
Весенних лесовых полян.

Любя эксцессные ликеры
И разбираясь в них легко,
Люблю зеленые просторы,
Дающие мне молоко.

Я выпью жизнь из полной чаши,
Пока не скажет смерть: «пора!»
Сегодня — гречневая каша,
А завтра — свежая икра!..

ЭПИЗОД

На «Сказках Гофмана», зимою,
Я был невольно потрясён
И больно уязвлен толпою,
Нарушившей чаруйный сон:

Когда в конце второго акта
Злодей Олимпию разбил,
Олимпию, — как символ такта, —
Чью душу Гофман полюбил,

И Гофман закричал от муки
(Ведь, он мечту свою терял!) —
Нежданные метнулись звуки:
Вульгарно зал захохотал!..

Я побледнел. Мне больно стало
И стыдно, стыдно за толпу:
Она над драмой хохотала,
Как над каким-то «ки-ка-пу»...

И я не знал, куда мне деться
От острой боли и стыда,
И погрузился в интермеццо
Пред пятым актом — навсегда.

«КАРМЕН»

Кармен! какая в ней бравада!
Вулкан оркестра! Луч во тьме!
О, Гвадиана! О, Гренада!
О, Жорж Бизэ! О, Меримэ!

Кокетливая хабанера,
И пламя пляски на столе,
Навахи, тальмы и сомбреро,
И Аликант в цветном стекле!..

Застенчивая Микаэла
И бесшабашный Дон-Хозэ....
О ты, певучая новелла!
О, Меримэ! О, Жорж Бизэ!

И он, бравурный Эскамильо,
Восторженный торреадор;
И ты, гитанная Севилья,
И контрабанда в сердце гор...

Кармен! И вот — Медея Фигнер,
И Зигрид Арнольдсон, и Гай...
Пускай навеки май их сгинул, —
Но он ведь был, их звучный май!

Пусть время тленно, и сквозь сито
Его просеяны лета́, —
Она бессмертна, Карменсита,
И несказа́нно золота!

ДЮМА И ВЕРДИ

Дюма и Верди воедино
Слились, как два родных ручья.
Блистает солнце. Тает льдина.
Чья драма? музыка к ней чья?

Она дороже амулета
И для души, и для ума.
О, Маргарита — Виолетта,
В тебе и Верди, и Дюма!

Душа элегией об'ята,
В ней музыкальное саше:
То вкрадчивая Травиата,
Прильнувшая к моей душе.

Элементарна? Устарела?
Сладка? опошлена? бледна?
Но раз душа на ней горела,
Она душе моей родна!

Наивны сморщенные книги
Прадедушек, но аромат,
Как бы ни спорил Каратыгин,
Неподражаемый хранят.

Он, кстати, как-то в разговоре,
Пусть — полном едкого ума,
Поверг меня в большое горе,
Назвав «водицею»... Тома́!

АМБРУАЗ ТОМА

Томá, который... Что иное
Сказать о нем, как не — Томá!..
Кто онебесил все земное
И кто — поэзия сама!

Томá — «водица»!.. Как хотите,
Подсуден даже модернист,
Сказавший, — вы меня простите, —
Что композитор... «водянист»!..

Томá, озвучивший Миньону,
Созданье Гëттевской мечты,
Кому весь мир воздал корону
За звуки чистой красоты!

Каким же нужно быть чурбаном,
Бездушным, чёрствым и сухим
И непробивным барабаном
И просто гадким и плохим,

Чтобы назвать «Миньону» «нотным
Васком», ее не ощутив
И не поняв, о чём поет нам
За лейт-мотивом лейт-мотив!

О ЧЁМ ПОЕТ

О чем поет? поет о боли
Больного старика — отца,
Поет о яркой жажде воли,
О солнце юного лица.

О чем поет? о крае смутном,
Утерянном в былые дни,
О сне прекрасном и минутном,
О апельсиновой тени . . .

О чем поет? о вероломстве
Филины, хрупкой как газель,
О нежном с Мейстером знакомстве,
О хмеле сладостных недель...

О чем поет мотив крылатый,
Огнём бегущий по крови?
О страстной ревности Сператы,
О торжестве ее любви!

О чем поет? о многом, многом,
Нам близком, нужном и родном,
О легкомысленном, о строгом,
Но вечно юном и живом!

ОБЗОР

В тебя, о тема роковая,
Душа поэта влюблена:
Уже глава сороковая
Любовно мной закруглена.

Я, перечитывая главы,
Невольно ими изумлён:
Они стрекозны и лукавы,
И шолковисты, точно лен.

Какая легкость и ажурность,
И соловейность, и краса!
И то — помпезная бравурность!
И то — невинная роса!

Чего в них нет! в них пульс культуры
И ассонансовый эксцесс,
И стилевой колоратуры
Страна безра́зумных чудес...

В них взгляд на ценности земные,
Омонументный момент,
В них волны моря голубые —
Балтийский аккомпанимент.

СОН В ДЕРЕВНЕ

Грасирующая кокетка,
Гарцующая на коне.
Стеклярусовая эгретка —
На пляже méditerrannée.

Навстречу даме гарцовальщик,
Слегка седеющий виконт,
Спортсмэн, флёртэр и фехтовальщик,
С ума сводящий весь beau-monde...

Она, в горжетке горностая,
В щекочущий вступает флёрт,
И чаек снеговая стая
Презреньем обдает курорт

Ее зовет король рапирный
Пить с мандаринами крюшон,
И спецный хохоток грасирный
Горжеткой мягко придушон...

ТРАКТОВКА СНА

Фелиссе Крут

Зачем приснилась мне гарцунья
И он, неведомый гарцун?..
Уж это не весна-ль — чарунья
Испытывает верность струн?..

Не смутные-ли это зовы
Воспрянувшей от сна весны?..
Недаром дали бирюзовы,
Недаром небеса ясны ...

Недаром в царстве беззаконий,
В повиновении весне,
Не только пламенные кони, —
Гарцуют всадники — во сне...

Недаром взор настроен зорко,
И возникают в сини гор
Она, неведная гарцорка,
И он, неведомый гарцор...

РЕЧЁНКА

Меж Тойлою и Пюхаеги —
Ложбина средь отвесных гор.
Спускаясь круто к ней в телеге,
Невольно поднимаешь взор.

В ложбине маленькая речка, —
В июле вроде ручейка, —
(... О, речка, речка — быстротечка!)
Течет... для рачного сачка?!

Уж так мала, уж так никчемна,
Что — для чего и создана?
Но и в нее глядит надземно
Небрезгающая луна...

По ней двухлетняя девчёнка
Пройдет, «не замочивши ног»...
Но эта самая речёнка
Весной — бушующий поток!

Она внушительна в разливе,
Она слышна за три версты,
Она большой реки бурливей
И рушит крепкие мосты.

Тогда люблю стоять над нею
На сером каменном мосту:
Она бурлит, — я пламенею,
В ней славословя Красоту!

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Нежны berceuse'ные рессоры —
Путь к дорогому «кабаку».
В нем наша встреча, — после ссоры, —
Меж наших вечеров в Баку.

Я пил с армянским мильонером
Токай, венгерское вино.
В дыму сигар лилово-сером
Сойтись нам было суждено.

Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет
Вошли Вы тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.

И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот —
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!

О, Вы меня не осудили
За дерзкие мои слова, —
И вновь певцу лесных идиллий
Жизнь драгоценна и нова!

Я извиняюсь перед Вами,
Собрат, за вспыльчивость свою
И мне подвластными стихами
Я Вас попрежнему пою!

ТЕ, КОГО ТАК МНОГО

От неимения абсента,
От созерцания кобур —
Я раздраженней дез'Эссента
У Гюисманса в «A rebours».

И глаз чужих прикосновенье
На улице или в лесу —
Без бешенства, без раздраженья,
Без боли — как перенесу?!.

А от «мурлыканья» и «свиста»
Меня бросает в пот и дрожь:
В них ты, ирония, сквозисто
Произрастаешь и цветешь!

Но нет непереносней боли —
Идти дорогой меж домов,
Где на скамейках в матиоле
Немало «дочек» и «сынков»...

Скамейки ставят у калиток,
И дачники садятся в ряд;
Сидят, и с мудростью улиток
О чем-то пошлом говорят.

И «похохатывают» плоско, —
Сам чорт не разберёт над чем:
Над тем ли, что скрипит повозка,
Иль над величием поэм!..

ОБОЗЛЁННАЯ ПОЭЗА

В любви незнающий фиаско
(За исключеньем двух-трех раз...)
Я, жизнь кого — сплошная сказка,
От дев не прихожу в экстаз:

Я слишком хорошо их знаю,
Чтоб новых с ними встреч желать,
И больше не провозглашаю
Им юношески: «Исполать!»

Все девы издали прелестны
И поэтичны, и милы, —
Вблизи скучны, неинтересны
И меркантильны, и пошлы.

Одна гоняется за славой,
Какой бы слава ни была;
Другая мнит простой забавой
Все воскрыления орла;

Мечтает третья поудобней
Пристроиться и самкой быть;
Но та всех женщин бесподобней,
Кто хочет явно изменить!

При том не с кем-нибудь достойным,
А просто с первым наглецом —
С «красивеньким», богатым, «знойным»,
С таким картиночным лицом!

МАЛЕНЬКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

То не пальнула митральеза,
Не лопнул купол из стекла, —
То «Обозлённая поэза»
Такой эффект произвела!

Еще бы! надо-ль поясненье?
Поэт «девический» — и что-ж? —
Такое вдруг «разуверенье»,
Над девой занесенный «нож»...

Нет, кроме шуток, — «отчего бы»,
Мне скажут: «странный этот взгляд
С оттенком плохо скрытой злобы?»
И — об'ясниться повелят.

Охотно, милые синьоры,
Охотно, милые mesdames,
Рассею я все ваши споры,
Вам об'яснения я дам!

Мой взгляд на женщин есть не личность,
А всеми обобщенный факт:
Не только «этих дам публичность»,
Но и «не этих домный такт»...

Есть непонятные влеченья, —
Живой по своему ведь жив...
Бывают всюду исключенья,
Но в массе — вывод мой не лжив.

О ЮГЕ

Тебя все манит Калабрия,
Меня — Норвегии фиорд.
О, дай мне взять, моя Мария,
Последний северный аккорд!

Дай утонуть в Балтийском море,
Иль на эстляндском берегу
Уснуть, ласкую взором зори,
Что вечно в сердце берегу...

Тебя влечет Александрия,
Тебе все грезится Каир,
Как мне — Миррэлия, Мария,
Как Сологубу — сон-Маир!

Ты мной всегда боготворима,
И за тобою я пойду
За них — меридианы Рима —
Прославить южную звезду.

Тебе угрозна малярия,
Но если хочешь, — верный друг,
Я для тебя, моя Мария,
Уеду с севера на юг!

МАРТ

Март — точно май: весь снег растаял;
Дороги высохли; поля
Весенний луч теплом измаял, —
И зеленеет вновь земля.

И море в день обезольдилось,
Опять на нем синеет штиль;
Все к созиданью возродилось,
И вновь зашевелилась пыль.

На солнце дров ольховых стопик
Блестит, как позлащенный мел,
И соловей, — эстонский: ööpik, —
Запеть желанье возымел...

Опять звенит и королеет
Мой стих, хоть он — почти старик!..
В закатный час опять алеет
Улыбка грустной Эмарик.

И ночь — Ночь Белая — неслышной
К нам приближается стопой
В сиреневой накидке пышной
И в шляпе бледно-голубой...

MADIS

Ежевечерно из «Quo vadis»
Играл чахоточный цитрист.
Ему внимал грустящий Madis,
Рыбак и местный колонист.

«Как в сеть весной пойдет салака,
И как-то будет дорога?»
Блестит луна на глянце лака
Шикарящего сапога...

«И крапчатая лососина
Поймается ли весом в пуд?»
Белеет шляпы парусина,
Дрожит клочок паучьих пут...

«А вдруг среди костлявых сирко
Пошлет мне небо осетра?!.»
И поощряет грёзы кирка,
В луне сафирно-серебра...

—

НОРВЕЖСКИЕ ФИОРДЫ

Я — северянин, и фиорды
Норвежские — моя мечта,
Где мудро, просто, но и гордо
Живет Царица Красота.

Лилово-ста́льные заливы
В подковах озерносных гор;
В них зорь полярных переливы,
Меж сосен белой розы взор.

И синеглазые газели,
Чьи игры созерцает лось,
Устраивают карусели,
Где с серым синее слилось...

Там тишина невозмутима,
И только гордый орлий клич
Ласкает ухо пилигрима,
Способного его постичь...

ЛЬВУ НИКУЛИНУ

Когда, воюя, мир лукавил
Позёрством социальных проб,
Несчастный император Павел
Свой покидал столетний гроб...

В крестах, отбрасывавших тени,
На склоне золотого дня,
Приял великий неврастеник
Поэта облик, трон кляня...

Приял для самооправданья,
Для выявленья существа
Своей души, в часы страданья
Струившей чары волшебства...

Что-ж, вверьтесь странному капризу,
Поэт и царь, и, сев верхом,
Направьте шаг коня на мызу
«Ивановку», в свой бредный дом.

В'езжайте в ветхие ворота,
Где перед урной, над рекой,
Вас ждет скончавшаяся рота
И я, поклонник Ваш живой...

СТИХИ И. ЭРЕНБУРГА

В дни пред паденьем Петербурга, —
В дни пред всемирною войной, —
Случайно книжка Эренбурга
Купилась где-то как-то мной.

И культом ли католицизма,
Жеманным ли слегка стихом
С налётом хрупкого лиризма,
Изящным ли своим грехом, —

Но только книга та пленила
Меня на несколько недель:
Не шрифт, казалось, не чернила,
А — тонко-тонная пастэль.

Прошли лета. Кумиры ниже
Склонились, я — достиг вершин:
Мне автор книгу из Парижа
Прислал в обложке crêpe de chine.

Она была, должно быть, третьим
Его трудом, но в ней, увы,
Не удалось того мне встретить,
Что важно в небе — синевы.

И нет в ней сладостного ига,
Померкла росная краса...
Мне скажут: «небеса — не книга»,
Пусть так, но книга — небеса!..

СИНЕЕ

Сегодня ветер, беспокоясь,
Взрывается, как динамит,
И море, как товарный поезд,
Идущий тяжело, шумит.

Такое синее, как небо
На юге юга, как сапфир.
Синее цвета и не требуй:
Синей его не знает мир.

Такое синее, густое,
Как ночь при звездах в декабре.
Такое синее, такое,
Как глаз газели на заре.

«Синее нет», так на осине
Щебечут чуткие листы:
«Как василёк, ты, море сине!
Как небеса, бездонно ты!»

БАНАЛЬНОСТЬ

Когда твердят, что солнце — красно,
Что море — сине, что весна
Всегда зеленая — мне ясно,
Что пошлая звучит струна...

Мне ясно, что назвавший солнце
Не иначе, как красным, туп;
Что рифму истолчет: «оконце»,
Взяв пестик трафаретных ступ...

Мне ясно, что такие краски
Банальны, как стереотип,
И ясно мне — какой окраски
Употребляющий их «тип»...

И тем ясней, что солнце — сине,
Что море — красно, что весна —
Почти коричнева!.. — так ныне
Я убеждаюсь у окна...

Но тут же слышу голос бесий:
«Я вам скажу, как некий страж,
Что это ложный миг импрессий
И дальтонический мираж»...

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Вновь ловля рыбная в разгаре:
Вновь над рекою поплавки,
И в рыбном, у кустов, угаре
Азартящие рыбаки.

Форель всегда клюет с разбегу
На каменистой быстрине.
Лещ апатичный любит негу:
Клюет лениво в полусне.

И любящий ракитный локон,
Глубокий теневой затон,
Отчаянно рвет лёску окунь,
И всех сильнее бьется он.

Рыб всех глупей и слабовольней,
Пассивно держится плотва.
А стерлядь, на подобье молний
Скользнув, песком ползет едва.

У каждой рыбы свой характер,
Свои привычки и устав...
... Не оттого ли я о яхте
Мечтаю, от земли устав? ..

В ПАРКЕ

А ночи с каждым днем белее,
И с каждой ночью ярче дни!
Идем мы парком по аллее.
Налево море: Мы — одни.

Зелёный полдень. В вешней неге,
Среди отвесных берегов,
Река святая, — Pühajõgi, —
Стремится, слыша моря зов.

На круче гор белеет вилла
В кольце из кедров и елей,
Где по ночам поет Сивилла,
Мечтая в бархате аллей.

Круглеет колющий кротекус,
И земляничны тополя,
Смотрящиеся прямо в реку,
Собою сосны веселя.

О, принц Июнь, приди скорее,
В сирень котэджи разодень!
Ночь ежедневно серебрее,
И еженочно звонче день!

РАССКАЗ КНЯГИНИ

Св. кн. О. Ф. Им—ской

То было в Гатчине, лет десять
Тому назад, но до сих пор
Отрадно мне тем летом грезить
И вспоминать наш разговор.

И вот, я помню: мы, княгиня,
Сидим в столовой. Ночь близка.
Вы говорите мне о сыне,
И в Вашем голосе — тоска:

О, если юность возвратить бы!
И быть счастливою, как он!..
Его любовь... его женитьба..
И жизнь на озере — как сон...

Он в честь своей Прекрасной Дамы, -
Полу-поэт, полу-toqué, —
Под Витебском построил замок
На озеровом островке...

«Он создал царство в сердце леса!»
Восторженно твердите Вы.
Поддакивает Вам профессор
Наклоном лёгким головы.

Я пью вино и вижу: в тине
Озёрной — косы, много кос...
Устала старая княгиня
От юных, — невозможных, — грёз...

БЭБЭ

Баронессе М. А. Д—н

Что было сказочно лет в девять,
То в двадцать девять было-б как?
Могли-б Вы так же королевить
Теперь, вступив со мною в брак?

Вы оправдали бы те слезы,
Что Вами пролиты, теперь?
Вы испытали бы те грезы?
Почувствовали-б ряд потерь?

Где Вы теперь? все также-ль новы
Для Вас мечтанья и слова?
Быть может, замужем давно Вы,
Но, впрочем, может быть, вдова?..

Меня Вы помните-ль? бывали
Вы у меня на вечерах?
На Вашего лица овале
Текла-ль слеза о детских снах?

Прочтете ли поэзы эти?
Найдете-ль строки о себе?
А, может быть, Вас нет на свете,
Моя наивная Бэбэ?..

Иль Вашей зрелости одевить
Уже не в силах жизни мрак?..
Что было интересно в девять,
То в двадцать девять было-б как?!

КН. Б. А. ТЕНИШЕВУ

Князь! милый князь! ау! Вы живы?
Перебирая писем ряд,
Нашел я Ваше, и, счастливый
Воспоминаньем, как я рад!

Мне сразу вспомнилась и школа,
И детство, и с природой связь,
И Вы, мой добрый, мой веселый,
Мой остроумный, милый князь!

В Череповце, от скуки мглистом
И тривиальном, и пустом,
Вас называли модернистом
За Сологуба первый том...

Провинциальные кокетки
От князя были без ума,
И казначейша (лик с конфетки!)
Была в Вас влюблена сама...

Ведь, штраусовская «Электра» —
Не новгородская тоска!...
О, Вы — единственный директор,
Похожий на ученика!

И вот, когда Вы, поседелый,
Но тот же юный и живой,
Пришли на вечер мой, я целый
Мирок восставил пред собой.

И поздравленья принимая
От Вас, и нежно Вас обняв,
Я вспомнил дни иного мая
И шорохи иных дубрав...

СТИХИ АХМАТОВОЙ

Стихи Ахматовой считают
Хорошим тоном (comme il faut...)
Позевывая, их читают,
Из них не помня ничего!..

«Не в них ли сердце современной
Запросной женщины?» — твердят
И с миной скуки сокровенной
Приводят несколько цитат.

Я не согласен, — я обижен
За современность: неужель
Настолько женский дух унижен,
Что в нудном плаче — самоцель?

Ведь, это-ж Надсона повадка,
И не ему-ль она близка?
Что за скрипучая «кроватка»!
Что за ползучая тоска!

Когда-ж читает на эстраде
Она стихи, я сам не свой:
Как стилен в мертвом Петрограде
Ее высокопарный вой!..

И так же тягостен для слуха
Поэт (как он зовется там?!.)
Ах, вспомнил: «мраморная муха» *
И он же — Осип Мандельштам.

И если в Лохвицкой — «отсталость»,
«Цыганщина» есть «что-то», то
В Ахматовой ее «усталость»
Есть абсолютное ничто.

---

* Честь этого обозначения принадлежит кубо-футуристам.

ЛИРА ЛОХВИЦКОЙ

Порыв натуры героичной,
Полёт в бездонье голубом,
Меж строчек голос мелодичный —
Вот пафос этой лиры в чём!

Ее слеза слезой зовется
И выглядит она слезой,
И полным сердцем сердце бьется,
Гроза трепещет в нем грозой.

Изысканные полутоны
Есть полутоны, а не ноль.
Мучительны Агнессы стоны
И настоящая в них боль.

Виденье принца Вандэлина
Есть не слоза, а — Вандэлин,
Возникновения причина
Кого — в рядах мирских причин.

И ведьма у нее есть ведьма,
А не — «нарочно», «для детей».
При том стихи бряцают медью
И веят запахом полей.

БАЛЬМОНТ

Его стихи — сама стихия.
Себе бессмертье предреша,
Свершает взлёты огневые
Его стихийная душа.

Он весь поэт, поэт великий.
В нем голосá всего и всех.
Неуловимый лик столикий
Отображает свет и грех.

Он ощущает каждый атом
И славословит солнце он.
То серафимом, то пиратом
Является хамелеон.

Но вместе с тем он весь, из дюжин
Томов составленный своих,
Мне не желанен и не нужен:
Я не люблю Бальмонта стих.

Есть что-то приторное в книгах
Его, что слаще голубей...
И Фофанов в своих веригах,
В своих лохмотьях — мне любей!

БРЮСОВ

Никем непревзойденный мастер.
Великий ритор и мудрец.
Светило ледовитой страсти.
Ловец всех мыслей, всех сердец.

Разламывающая сила
Таится в кованых стихах.
Душа рассудок научила
Любить, сама же пала в прах.

И оттого — его холодность:
Душа, прошедшая сквозь ум.
Его бесспорная надмодность
Не столь от чувства, сколь от дум.

Великий лаборант, он каждый
Порыв усвоил и постиг.
Он мучим неизбывной жаждой
Познанья всех вселенских книг.

В нем фокус всех цветов и светов
И ясной мысли торжество.
Он — президент среди поэтов.
Мой царский голос за него.

СОЛОГУБ

Какая тающая нежность!
Какая млеющая боль!
Что за чеканная небрежность!
Что за воздушная фиоль!

Он весь из сладостного вздоха,
Он весь — безгрешное дитя...
Плохое у него не плохо,
И темное поет, блестя...

Изысканнейший рисовальщик.
Провидец существа людей.
Он — чарователь, чаровальщик,
Чарун, он — чарник, чародей.

Так пой-же, пой-же нам, фиоль-же,
Струи свой ароматный свет!
Такой поэт, каких нет больше:
Утонченней, чем тонкий Фет.

ГИППИУС

Блистательная Зинаида
Насмешливым своим умом,
Которым взрощена обида,
Всех бьет в полете, как крылом....

Холодный разум ткет ожоги,
Как на большом морозе — сталь.
Ее глаза лукаво — строги,
В них остроумная печаль.

Большой поэт — в ее усмешной
И едкой лирике. Она
Идет походкою неспешной
Туда, где быть обречена.

Обречена-ж она на царство
Без подданных и без корон.
Как царственно ее коварство,
И как трагично-скромен трон!

—

ПЯТЬ ПОЭТОВ

Иванов, кто во всеоружьи
И блеске стиля, — не поэт:
В его значительном ненужьи
Биенья сердца вовсе нет.

Андрея Белого лишь чую,
Андрея Белого боюсь...
С его стихами не кочую
И в их глубины не вдаюсь...

Пастэльно-мягок ясный Бунин,
Отчетлив и приятно-свеж.
Он весь осолнечен, олунен,
Но незнаком ему мятеж.

Кузмин изломан черезмерно,
Напыщен и отвратно-прян.
Рокфорно, а не камамберно,
Жеманно-спецно обуян.

Нет живописней Гумилева:
В лесу тропическом костер!
Благоговейно любит слово.
Он повелительно-остёр.

ЕЕ КАПРИЗ

Памяти Н. Львовой

Я с нею встретился случайно:
Она пришла на мой дебют
В Москве. Успех необычайный
Был сорван в несколько минут.

Мы с Брюсовым читали двое
В «Эстетике», а после там
Был шумный ужин с огневою
Весёлостью устроен нам.

И вот она встает и с блеском
В глазах — к Валерию, и тот,
Поспешно встав движеньем резким,
С улыбкою ко мне идет:

«Поцеловать Вас хочет дама»,
Он говорит, и я — готов.
Мы с ней сближаемся, и прямо
Передо мной — огонь зрачков...

Целую в губы просветленно,
И тут же на глазах у всех
Расходимся мы церемонно,
Под нам сочувствующий смех.

ВИКТОР ГОФМАН

Памяти его

Его несладкая слащавость,
Девическая бирюза
И безобидная лукавость
Не «против» говорят, а «за».

Капризничающий ребенок,
Ребенок взрослый и больной,
Самолюбив и чутко-тонок
Души надорванной струной.

К самопожертвованью склонный,
Ревнивый робко, без хлопот,
В Мечту испуганно-влюбленный, —
Чего ему не достает?

Не достает огня и силы,
Но именно-то оттого
Так трогательно сердцу милы
Стихи изящные его.

ПУШКИН

Он, это — чудное мгновенье,
Запечатленное в веках!
Он — воплощенье Вдохновенья,
И перед ним бессилен прах...

Лишь он один из всех живущих
Не стал, скончавшись, мертвецом:
Он вечно жив во всех поющих,
И смерть здесь не звучит «концом».

В его созданьях Красота ведь
Показывает вечный лик.
Его нам мертвым не представить
Себе, и этим он велик!

Пускай он стар для современья,
Но современье для него
Ничтожно: ведь, его мгновенье —
Прекрасней века моего!

У МОРЯ

Финляндский ветер с моря дует, —
Пронзительно-холодный норд, —
И зло над парусом колдует,
У шлюпки накреняя борт.

Иду один я над отвесным
Обрывом, видя волн разбег,
Любуясь изрозо-телесным
Песком. Все зелено — и снег!..

Покрыто снегом всё подскалье
От самых гор и до песка.
А там, за ним, клокочет далью
Все та же синяя тоска...

Зеленый верх, низ желто-синий,
И промежуток хладно-бел.
Пустыня впитана пустыней:
Быть в море небу дан удел.

К МОРЮ

Полно тоски и безнадежья,
Отчаянья и пустоты,
В разгуле своего безбрежья,
Безжалостное море, ты!

Невольно к твоему унынью
Непостижимое влечет
И, упояя очи синью,
Тщетою сердце обдает.

Зачем ты, страшное, большое,
Без тонких линий и без форм?
Владеет кто твоей душою:
Смиренный штиль? свирепый шторм?

И не в тебе-ли мой прообраз, —
Моя загадная душа, —
Что вдруг из беспричинно-доброй
Бывает зверзче апаша?

Не то-же ли и в ней унынье
И безнадежье, и тоска?
Так влейся в душу всею синью:
Она душе моей близка!

РАЗБОР СОБРАТЬЕВ

Разбор собратьев очень труден
И, согласитесь, щекотлив:
Никто друг другу не подсуден,
И каждый сокровенным жив...

Но не сказать о них ни слова —
Пожалуй, утаить себя...
Моя душа сказать готова
Всё, беспристрастье возлюбя.

Тем мне простительней сужденье
О них, что часто обо мне
Они твердят — без снисхожденья,
Не без пристрастия вполне...

Я Пушкиным клянусь, что святы
Характеристики мои,
Что в них и тени нет расплаты
За высмеянные стихи!

ВАСИЛИЮ КАМЕНСКОМУ

Да, я люблю тебя, мой Вася,
Мой друг, мой истинный собрат,
Когда, толпу обананася,
Идёшь с распятия эстрад!

Тогда в твоих глазах дитяти —
Улыбчивая доброта
И утомленье от «распятий»
И, если хочешь, красота...

Во многом расходясь с тобою,
Но ничего не осудя,
Твоею юнью голубою
Любуюсь, взрослое дитя!

За то, что любишь ты природу,
За то, что веет жизнь от щёк
Твоих, тебе слагаю оду,
Мой звонкоструйный Журчеек!

ПОСЛЕ «ОНЕГИНА»

Сегодня утром после чая,
Воспользовавшись мёрзлым днем,
«Онегина» — я, не скучая,
Читал с под'емом и огнем.

О, читанные многократно
Страницы, юности друзья!
Вы, как бывало, ароматны!
Взволнован так же вами я!

Здесь что ни строчка — то эпиграф!
О, века прошлого простор!
Я современности, как тигров,
Уже боюсь с недавних пор.

И если в пушкинское время
Немало было разных «но»,
То уж теперь сплошное бремя
Нам, современникам, дано...

Конечно, век экспериментов
Над нами — интересный век...
Но от щекочущих моментов
Устал культурный человек.

Мы извращеньем обуяны,
Как там, читатель, не грози:
И духу вечному Татьяны
Мы предпочтем «душок» Зизи!..

ИНТЕРМЕЦЦО

Чаруют разочарованья
Очарованием своим...
Культурные завоеванья
Рассеиваются, как дым ...

Обвеяны давно минувшим,
Им орошенные мечты,
Минувшим, ласково-прильнувшим
К мечтам, больным от пустоты...

Неиз’яснимые волненья
Поят болеющую грудь...
На нежном пляже вдохновенья
Так несказанно — отдохнуть!..

Непостижимые желанья
Овладевают всей душой...
Чаруют разочарованья
Очарованья пустотой...

РИСУНОК ИГЛОЙ

Ореховые клавесины,
И отраженная в трюмо
Фигурка маленькой кузины,
Щебечущей на них Рамо...

В углу с подушкою качалка
Воздушнее затей Дидло.
На ней засохшая фиалка,
Которой сердце отцвело...

Оплывшие чуть жалят свечи,
Как плечи — розу, белый лоб.
Окно раскрыто в сад. Там вечер.
С крутин плывет гелиотроп.

Все ноты в слёзовом тумане,
Как будто точки серебра...
А сердце девичье — в романе,
Украдкой читанном вчера...

В ДЕРЕВНЕ

В деревне, где легко и свято
Природе душу передам,
Мне прямо страшно от разврата
Столичных девствующих дам.

И здесь, — где поле, лес и книги,
И Богом озарённый дом, —
Тем отвратительней интриги,
Столиц Гоморра и Содом.

Я вовсе не любитель охать
И ныть, но любо вспомнить зло
Их торжествующую похоть,
И как их ею развезло.

Нелюбящий нравоученья
И презирающий мораль,
Я не могу без возмущенья
Их пакостную вспомнить саль...

«ЗОЛА В СТЕКЛЕ»

Казалось бы, что благородство
Есть свойство нужное для всех,
Что в негодяйстве яд уродства
И в пакости — бесспорный грех;

Что не достоинством считать бы
Нам благородство, а — судьбой,
Не волочиться после свадьбы
За первой юбкой площадной;

Не наставлять рогов мужьям бы
С мимоидущим молодцом,
И не писать бы эти ямбы
С гневом пылающим лицом.

Казалось бы!.. На самом деле-ж
Всё по иному на земле:
В меня за правду злобой целишь
Ты, человек, — «зола в стекле»!

А. К. ТОЛСТОЙ

Кн. Л. М. Ухтомской

Граф Алексей Толстой, чье имя
Звучит мне юностью моей
И новгородскими сырыми
Лесами в густоте ветвей;

Чей чудный стих вешне-березов
И упоенно-соловьист,
И тихий запад бледно-розов;
И вечер благостно-росист;

Он, чьи припевы удалые —
Любви и жизни торжество;
Чья так пленительна Мария,
И звонко-майно «Сватовство»;

Он, чье лицо так благородно,
Красиво, ясно и светло;
Чье творчество так плодородно
И так роскошно расцвело; —

Ему слагаю, благодарный,
Восторженные двадцать строк:
Его напев великодарный —
Расцвета моего залог!

ТАЙНА ПЕСНИ

Обворожительных имений,
Рек, деревень, садов и сёл
На свете много; тем не меней, —
Кто где всю жизнь свою провёл,

Иль только юность, только детство, —
С в о й славословит уголок,
Поет, не разбирая средства,
Его, от прочих мест далёк.

Неподражаемых поэтов,
Художников, артистов и
Музыкотворцев — много, в этом
Уж убедиться вы могли.

Однако же, у всяких вкусов
Излюбленный искусстник свой:
Одним — мил Дэбюсси и Брюсов,
Другим — Серов и А. Толстой.

Очаровательных созданий
Не мало между разных рас:
Блондинок цвета шерсти ланей,
Брюнеток с васильками глаз.

И редко тот, кто любит шведку,
Японкой будет увлечен.
Лишь соловей, вспорхнув на ветку,
И я, такой же, как и он,

Поем равно всё то, что видим,
И славословим всех равно.
Мы никого не ненавидим,
Да и не любим заодно!

НЕ ОТТОГО-ЛЬ?..

Итак, нежданное признанье
Слетело с изумленных уст!..
Не оттого-ль мое терзанье?
Не оттого-ли мир мне пуст?

Не оттого-ли нет мне места,
Взлелеянного мной вполне?
И в каждой девушке невеста
Является невольно мне?

Не оттого-ль без оговорок
Я не приемлю ничего?
Не оттого-ль так жутко-зорок
Мой взор, вонзённый в Божество?

Не оттого-ль мои паденья,
Из глуби бездны снова взлёт?
Не оттого-ль стихотвореньям
Чего-то всё не достает?..

И как судить я брата смею,
Когда я недостатков полн,
И, — уподобленный пигмею, —
Барахтаюсь в пучине волн?..

ЧАРЫ СОЛОВЬЯ

Но соловей не величавей
Меня, а все-ж он — соловей,
Чья песнь посвящена дубраве
И первым трепетам ветвей!

В его бесцельном распеваньe
Не больше смысла, чем в траве,
И все же в нем очарованье, —
В ничтожном этом соловье!

И в пенье бестенденциозном
Не мудрость высшая-ль видна?
Не надо вовсе быть серьезным,
Когда томит тебя весна!

Весной упиться всем уменьем
Души безразумной умей!
Так говорим волшебным пеньем
Тебе и я, и соловей!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Величье мира — в самом малом.
Величье песни — в простоте.
Душа того не понимала,
Нераспятая на кресте.

Теперь же, после муки крестной,
Очищенная, возродясь,
Она с мелодией небесной
Вдруг обрела живую связь.

Освободясь от исхищрений
Когтистой моды, ожил стих —
Питомец чистых вдохновений
И вешних радостей живых.

И вот потек он ручейково,
Он бьет струей поверх запруд,
И нет нигде такой оковы:
Зальдить ручей — мой вольный труд!

—

«ЭТИ» МУЖЧИНЫ

Предвижу критиков ухмылки,
Их перекошенные рты.
Их презирает стих мой пылкий —
Явленье истой красоты!

Огонь святого вдохновенья
Растопит скептицизма лёд,
И критиков в одно мгновенье
Закружит мой водоворот.

В нём эти лысые, косые,
Кривые, пошлые и все,
Кем разукрашена Россия,
Вдруг явятся во всей красе.

И взвоют «евнухи Парнасса»,
Кружась передо мной волчком:
«Позволь, о автор «Ананасов»,
Тебя ругнуть... чуть-чуть... бочком:

Ведь при такой дороговизне
Как нам прожить без руготни?»...
Нет, кроме шуток, эти «слизни»
Существовали в оны дни

Почти что мной, напропалую
Меня угодливо браня,
В глаза — чуть руки не целуя
И ремесло свое кляня...

ВНЕ ПОЛИТИКИ

Где ходит море синим шагом
То к берегу, то к островам,
Нет плаца бешеным ватагам,
Нет фразы взбалмошным словам;

Где в зелень берегов одета
Златисто-карая река,
Здесь нет ни одного «кадета»,
Ни одного «большевика».

И где в растущем изумруде
Лесов и поля дышет Бог,
Здесь братьями живут все люди
И славословят каждый вздох.

И здесь, где лишь от счастья плачет
Живой, где горести чужды,
Здесь нет политики, и значит:
Нет преднамеренной вражды!

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РАБСТВА

Есть доказательство (бесспорней
Его, пожалуй, не найти!)
Что вы, культурники, покорней
Рабов, чем вас ни возмути! —

Вы все, — почти без исключенья,
И с ранних юношеских лет, —
Познали радость опьяненья
И пьяных грёз чаруйный бред.

И что же? Запрещенье водки —
Лишенье вас свободных грёз —
Вы, — апатичны, вялы, кротки, —
Перенесли, как жалкий пёс!

Вы без малейшего протеста
Позволили вас обокрасть, —
И ваше грёзовое место
Взяла разнузданная власть!

Пожалуй, с солнцем и с сиренью
Могли-б расстаться без борьбы?!..
Примите-ж хлёсткое презренье
Мое, культурные рабы!

СОНАТА «ИЗЕЛИНА»

(Кнут Гамсун, «Пан»)

I ВСТРЕЧА

Спи, спи! пока ты будешь спать,
Я расскажу тебе о ночи
Моей любви, как не отдать
Себя ему — не стало мочи.

Я дверь забыла запереть
Свою шестнадцатой весною:
Ах, веял тёплый ветер, ведь,
Ах, что-то делалось со мною!..

Он появился, как орёл.
Мы встретились однажды утром
Перед охотой. Он пришел
Из странствий юно-златокудрым.

Со мной по саду он гулял,
И лишь меня рукой коснулся,
Он близким, он родным мне стал.
В нас точно кто-то встрепенулся.

И у него на белом лбу
Два лихорадочных и красных
Пятна явились. Я судьбу
Узрела в них — в желаньях страстных.

II НАИВНОСТЬ

Потом... Потом я вышла в сад,
Его искала и боялась
Найти. А губы чуть дрожат
Желанным именем. Смеркалось.

Вдруг он выходит из кустов
И шепчет: «Ночью. В час». Вздыхает.
Вдыхает аромат цветов.
Молчит. Молчит — и исчезает.

Что этим он хотел сказать:
«Сегодня ночью. В час»? не знаю.
Вы это можете понять?
Я — ничего не понимаю.

Что должен он уехать в час,
Хотел сказать он, вероятно?..
Что мне за дело! вот так раз:
Зачем мне это непонятно?..

III ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

И вот я забываю дверь
Свою закрыть, и в час он входит...
Как я изумлена теперь,
Что дверь открытою находит!..

— Но разве дверь не заперта?.. —
Я спрашиваю. Предо мною
Его глаза, его уста,
В них фраза: «Я ее закрою»...

Но топота его сапог
Боюсь: разбудит он служанку.
И стула скрип, и топот ног...
«Не сесть ли мне на отоманку?»

— Да, — говорю. Лишь потому,
Что стул скрипел... Ах, оттого лишь!..
Он сел, приблизясь к моему
Плечу. Я — в сторону. Неволишь?..

Глаза я опустила. Он
Сказал: «ты зябнешь». Взял за руку,
Своею обнял. Входим в сон.
Петух провозгласил разлуку.

IV ВКУШЕНИЕ

«Пропел петух, ты слышишь?» Сжал
Меня, — совсем я растерялась.
Я бормотала: ты слыхал?
Ты не ослышался? Металась,

Хотела встать. Но вновь на лбу
Пятна два лихорадно-красных
Увидев, вверила судьбу
Свою глазам его прекрасным:..

Настало утро. Пробудясь,
Я комнаты не узнавала
И даже башмачков. Смеясь,
Себя невольно вопрошала:

Во мне струится что-то. Что-ж
Во мне струиться-то могло бы?..
Который час, — как тут поймешь?
И я — одна? и мы — не оба?

V ВОСТОРГ

Ах, я не знаю ничего...
Лишь помню: дверь закрыть забыла...
Служанка входит: «Отчего
Свои цветы ты не полила?»

— Я их забыла. — Снова та:
«Где платье ты свое измяла?»
Смеется сердце. Та-та-та!
О, если бы я это знала!..

Под'ехал к саду фаэтон...
«И ты не накормила кошку»,
Твердит служанка. «Это он!»
Твердит мне сердце. Я — к окошку!

Проси, проси его ко мне, —
Я жду его: мне надо что-то...
И у меня наедине —
Запрет он дверь? — одна забота...

VI ВТОРОЕ СВИДАНИЕ

Стучится. Отворяю. И,
Желая оказать услугу,
Дверь вмиг на ключ. В уста мои
Меня целует, как подругу.

— Не посылала за тобой, —
Шепчу... «Так ты не посылала?»
Смущаюсь и кричу душой:
— Да, мне тебя не доставало!

Да, посылала! да, побудь
Немного здесь! — Глаза руками
Закрыла от любви, на грудь
К нему склонив уста с глазами...

«Но кажется пропел петух?»
Он стал прислушиваться. Я же
Подумала невольно вслух:
— Как это мог подумать даже?..

Никто не пел. Пожалуй, лишь
Кудахтала немного кура...
Он мне: «Немного погодишь, —
Я дверь запру». И вечер хмуро

В окно взглянул. А я едва
Могла шепнуть: — Но дверь закрыта...
Я заперла уже... — Трава,
Деревья, всё — луной облито.

VII У ЗЕРКАЛА

Уехал он опять. Во мне
Как будто золото струилось.
Я — к зеркалу. Там, в глубине,
Влюбленных глаза два светилось.

Лишь я увидела тот взгляд,
Во мне вдруг что-то задрожало,
И заструился сладкий яд
Вкруг сердца, выпуская жало...

О, раньше я была не та:
Так на себя я не смотрела!..
И в зеркале себя в уста
Поцеловать я захотела...

ГЕОРГИЮ ШЕНГЕЛИ

Ты, кто в плаще и в шляпе мягкой,
Вставай за дирижерский пульт!
Я славлю культ помпезный Вакха,
Ты — Аполлона строгий культ!

В твоем оркестре мало скрипок:
В нем всё корнеты-а-пистон.
Ищи средь нотных белых кипок
Тетрадь, где — смерть и цепий стон!

Ведь так ли, и́наче (ина́че?..)
Контрастней раков и стрекоз,
Сойдемся мы в одной задаче:
Познать непознанный наркоз...

Ты, завсегдатай мудрых келий,
Поющий смерть, и я, моряк,
Пребудем в дружбе: нам, Шенгели,
Сужден везде один маяк.

ФИНАЛ

Закончен том, но не закончен
Его раздробленный сюжет.
Так! с каждою главою звонче
Поет встревоженный поэт.

Напрасно бы искать причала
Для бесшабашного пловца:
В поэме жизни нет начала!
В поэме жизни нет конца!

Неисчерпаемая тема
Ждёт всей души, всего ума.
Поэма жизни — не поэма:
Поэма жизни — жизнь сама!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Интродукция 7
Эст-Тойла 9
Опять вдали 11
Ах, есть ли край ... 13
На лыжах 15
В Ревель 17
Лейтенант С. 19
У Сологуба 21
Прежде и теперь.... 23
Царица русского стиха 25
Два острова 27
Нарва 29
Юрьев 31
Половцева-Емцова .. 33
Евгению Пуни 35
К Альбине 37
Почтальон 39
Яля................. 41
Слава 43
Елизаветино Кикерино 45
Веймарн 47
Афоризмы Чайльда.. 49
Ассоциация 51
Былое 53

Стр.

Лейт-мотивы 55
Коляска 57
Стэлла 59
Февраль 61
Высшая мудрость ... 63
Ямбург 65
По этапу............ 67
В хвойной обители .. 69
Рескрипт короля 71
Двусмысленная слава 73
Любители «гелиотропа» 75
Всеприемлемость 77
Эпизод 79
«Кармен»........... 81
Дюма и Верди 83
Амбруаз Тома 85
О чем поет.... 87
Обзор............... 89
Сон в деревне....... 91
Трактовка 93
Реченка......... 95
Валерию Брюсову... 97
Те, кого так много. 99
Обозленная поэза.. 101

Стр.

Маленькое пояснение 103
О юге 105
Март 107
Madis 109
Норвежские фиорды 111
Льву Никулину 113
Стихи И. Эренбурга 115
Синее 117
Банальность 119
Рыбная ловля 121
В парке 123
Рассказ княгини ... 125
Бэбэ 127
Кн. Б. А. Тенишеву 129
Стихи Ахматовой ... 131
Лира Лохвицкой ... 133
Бальмонт 135
Брюсов 137
Сологуб 139
Гиппиус 141
Пять поэтов 143
Ее каприз 145
Виктор Гофман 147
Пушкин 149
У моря 151
К морю 153

Стр.

Разбор собратьев .. 155
Василию Каменскому 157
После «Онегина» ... 159
Интермеццо 161
Рисунок иглой 163
В деревне 165
«Зола в стекле» 167
А. К. Толстой 169
Тайна песни 171
Не оттого-ль 173
Чары соловья 175
Возрождение 177
«Эти» мужчины 179
Вне политики 181
Доказательство рабства 183
Соната «Иселина»
I. Встреча 185
II. Наивность 187
III. Первое свидание 189
IV. Вкушение 191
V. Восторг 193
VI. Второе свидание 195
VII. У зеркала 197
Георгию Шенгели .. 199
Финал 201

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ТРАГЕДИЯ ТИТАНА
КОСМОС

Избсрник I

ЦАРСТВЕННЫЙ ПАЯЦ
САТИРА И ИРОНИЯ

Изборник II

ФОРЕЛЕВЫЕ РЕКИ
ЛИРИКА

Изборник III

**Печатано в
типографии
Шпамера
в Лейпциге**

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поэтом, сполна испытавшим лукавство игры с толпой, пережившим головокружительный взлет и стремительное забвение, был Игорь Северянин. Отмеченный искрой Божией, он не стал великим поэтом, но был певцом сказочно несбыточной мечты.

В годы затянувшегося непризнания, печатая в периферийных изданиях свои первые поэтические опыты, которые мало кто читал, Северянин совершил отчаянный шаг. Он вышел на эстраду и стал читать свои стихи. В жажде славы исколесил пол-России, завоевывая поклонников своего таланта. Постигая тайны успеха, создал свой беспроигрышный имидж излюбленного временем "мистика" в длинном черном сюртуке, с бледным лицом и отрешенным взглядом. Но козырем его был необыкновенный голос с "завываниями". На слушателей он действовал магически. Мемуаристы вспоминают, что даже в годы глубокого забвения Северянина, несмотря на то нелепое впечатление, которое он производил на эмигрантскую публику, последняя неизменно попадала под чары его волшебного голоса. Он не читал, а почти пел свои стихи, уводя, словно сирена, в диковинные края, рисуя упоительные утопии, где "облака как белолилии", "скользит в аметисте луна", где можно "парить в лазоревом просторе со свитой солнечных лучей", "пить златисто-грезный черный виноград".

Время первых десятилетий располагало к утопиям и легендам. События мелькали, как картинки в калейдоскопе. Войны, политические междуусобицы, ”пророки” и ”исцелители”, чудеса земной техники и первые летательные аппараты, теории, реанимирующие христианство, и ожидание Мессии, – все смешалось, будоражило, до предела раскаляло общественную атмосферу. Легко было не только поверить в миф, но и стать его героем. Северянин, как и многие кумиры времени, всплыл на волне всеобщей истерии. Толпы экзальтированных поклонниц, осаждавших его автомобиль, шквалы цветов, торжественные проезды по улицам городов – в его успехе было что-то бутафорское. Впрочем, театральностью была пронизана вся жизнь.

Это было время великолепного маскарада культуры, закружившего персонажей всех эпох, Серебряный век русского искусства, за каких-то два десятилетия пробежавшего от античности до футуризма.

В серебристом свечении карнавала мелькали забытые маски Пьеро и Арлекина, вызволенные на свет Блоком и Мейерхольдом, собирались искатели невидимого Града Китежа, раздавалась футуристическая ”заумь”, перебиваемая громом щитов вагнеровских валькирий, устраивались танцы наряженных Бакстом персонажей ”дягилевских” балетов , в ностальгических фантазиях ”мирискусников” оживал Версаль. В этом бесконечном оргиастическом хороводе кружился и Северянин с его грезным миром ”лесофей”, ”золотистых вуалей” и ”ананасов в шампанском”.

Искусство изощренно декорировало распад целой культурной эпохи, создавая упоительные фантазии, несущие в себе дорогие черточки уходящего в небытие мира. Мир этот рухнул. И, может быть, теперь Игорь Северянин особенно интересен тем, что был одним из самых ярких героев канувшей в Лету русской Атлантиды.

Ирина Муравьева

Редактор *Муравьева И.Н.*
Технический редактор *Суровцева Н.А.*

Подписано в печать 26.01.90. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Условн. печ.л. 12.09. Тираж 220000 экз. (IIIзавод 1 – 50000 экз.) Заказ № 56 Цена 4 р. 50 к. Изд. № Л-1/9-31

В/О "Союзтеатр". 103001. Москва. Благовещенский пер., 3

Совместное предприятие СССР-Канада "ТОМО" 103006. Москва. Каретный ряд. д 5/10

Отпечатано в Ордена Трудового Красного Знамени Московской типографии № 7 "Искра революции" В/О "Совэкспорткнига" Госкомпечати СССР. 121019. Москва. Трехпрудный пер., 9

НАКАНУНЕ
4 р. 50 к.